

М. МИРНЕЛИ

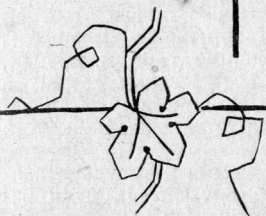
ГОРНАЯ
ТРОПА

СГ

3933

М. МИРНЕЛИ

ГОРНАЯ
ТРОПА

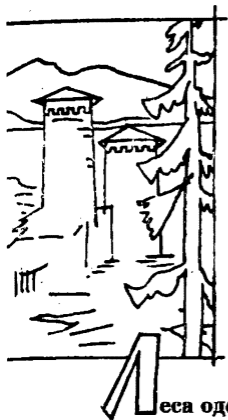
СТИХИ

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО
БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1965

Мириан Михайлович Мирнели (Цикалиа) родился в 1928 году в селении Речхо-Цхири Гальского района Абхазской АССР, в семье крестьянина. Литературную деятельность начал с юношеских лет. Он — автор сборников стихов: «Взгляну на дни», «Прибрежные мелодии», «Абхазские стихи», «Молчание гор» и других, изданных на грузинском и абхазском языках в Тбилиси и Сухуми. Стихи М. Мирнели часто печатаются в литературных журналах, альманахах и газетах Грузии.

После окончания Тбилисского государственного университета в 1950 году М. Мирнели работает в Абхазском институте языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР.

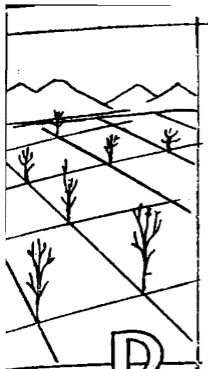
ТУМАННОЕ УТРО

Леса одеты в туманы
белые.

Утро сванское
стекает с горы...
Все, чем живу я,
что я ни делаю,
все начинается с этой поры.

Есть в этом утре что-то целебное,
что-то прекрасное
есть в тишине.

Я погружаюсь
в туман
серебряный,
и подступают раздумья
ко мне.

МОЙ САЖЕНЕЦ

Р асти, мой саженец,
надежды не тая.
Покачивайся на рассвете
гибко,
ты —
нынешняя боль моя,
но завтрашняя —
радость и улыбка.

Пролью я солнце по твоим
плечам,
пусть разожжет тебя
его горенье,
сегодняшняя ты моя печаль,
но завтрашний мой смех
и удивленья!

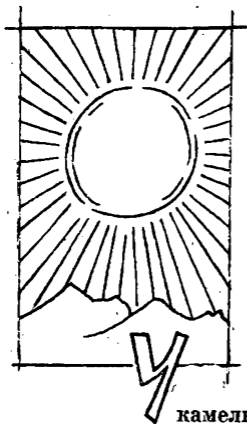
**Расти-расти,
нетороплив и тих...
Плыви...
Еще далече до причала,
ты —
наступленья сумерек
моих,
но ты и утра моего
начало!**

**Земля —
и колыбель твоя и бог —
несет тебе
потоки соков разных...
Ты нынче мне —
тревога из тревог,
но завтрашнее
празднество из празднеств!**

**Пускай поят тебя дождей
моря,
пусть солнце
окружает
снова,
ты —
песенка неспетая моя,**

еще не сказанное мною
слово!

Расти, мой саженец!
Меняй покрой одежд...
Ждет Грузия
твое явленье...
Ты —
боль моя,
надежда всех надежд,
бессонница моя
и удивленье!

СТАРИК СКАЗИТЕЛЬ

камелька столетний дед
уж много лет
сидит сутулясь.
Он жар помешивает палкой.
А за окном — темным-темно.
Молчит луна.
И тишина
крадется с деревенских улиц.
Лишь в бурдюке кипят легенды,
как будто старое
вино.

Старик рассказывает:

«Было
когда-то, где-нибудь, однажды.

в каком-то времени далеком
один герой на свете жил,
богатым не был он и важным,
зато был сильным и отважным,
он пламенем души и сердца
глухую полночь озарил».

Легенды щедро льются, сказки
над камельком кружатся роем.
Старик рассказывает:

«Было

давно-давно,
в канун зимы
народ увидел свет и пламя
и устремился за героем,
чтоб царство светлое воздвигнуть
на месте царства слез и тьмы».

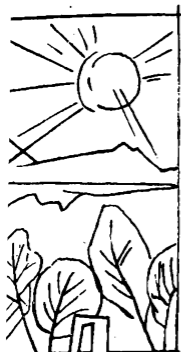
Старик попыхивает трубкой,
старик рассказывает сказки.
Он говорит:

«Все это было

в те незабвенные года.
Да, был героям труд их труден,
как труден турку слог абхазский,
но счастье, радость и надежды

не достаются
без труда».

Старик поыхивает трубкой,
из трубки
синий дым струится.
Старик в усы усмешку прячет
и говорит ворчливо нам,
что не с руки
в его-то годы
плести пустые небылицы...
«Все это было — не иначе,
иначе б — грош цена
словам».

ДУЕТ ВЕТЕР

Дует ветер. Светит солнце.

Дует ветер.

Женщина развешивает

белье.

Дует ветер.

День продут и светел.

Дует ветер,

пробирается в жилье.

Дует ветер. Опадают листья.

Ветер в копны собирает их.

Светел день,

как будто свет пролился

из опавших листьев

золотых.

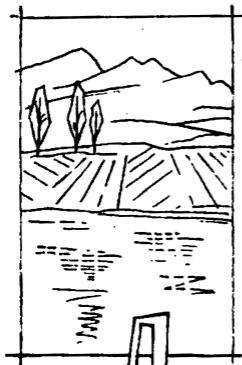
Дует ветер.
Так свежо и странно.
Подняты воротники —
пора...
И белье
обрывками тумана
медленно плывет в конец двора.

Дует ветер,
затекает оргии,
то лисой крадется,
то летит...
Женщина
белье с веревки сдергивает,
с удивлением
вокруг глядит.

Дым над трубами
взлетает гривами,
искры вспыхивают
в золе.
Дует ветер...
Но с его порывами
что-то возникает на земле.

Дует ветер,
падая, взлетая,
пританцовывает,
на носки встает...
И природа
золотая,
как невеста,
рядом с ним плывет.

Отступают
все печали,
старость
еле брезжится во мгле...
Дует ветер.
Шевелит плечами.
Дует ветер,
дует ветер по земле!

ВЕЛИКАЯ РЕКА

Дождь отгудел —

гудит овраг.

Поток сильнее с часом каждым.

Река разлива жаждет так,
как мы побед и славы
жаждем.

Безвестным ручейком была —
и вдруг

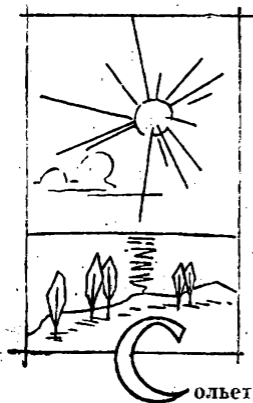
рекой великой стала...

Такой бессильною слыла,
да сколько дров
переломала!

**Грядет река сквозь гром и гам,
горда
своим
предназначеньем,
и люди все
по берегам
любуются
ее теченьем.**

**Богатый ил
несет река
полям
и свет веселый —
людям.
Вот почему во все века
ее горячий труд
мы любим.**

**Богатство вечное
свое
вода раздаривает
суше...
Перед величием ее
величье входит
в наши
души.**

Сольется луч с лучом,
сольется ветер с ветром,
и ночи мрачный дух
конец находит свой...
Шыдает солнце,
жар плывет по веткам,
он царствует над миром и травой.
Зеленый,
голубой,
сиреневый,
лиловый
луч за лучом,
за бликом блик...
Лист тянется к листу,
как слово — к слову,
и к роднику легко приник родник.

И за волной — волна,
к пылице летящей
другая льнет...
Сады стоят в цвету...
И кто-то на кирпич
кладет кирпич звенящий,
как будто высоту — на высоту.
Вот рухнуло стены
дряхлеющее тело,
и пыль,
взлетев,
качнулась вслед ему...
И тотчас
красный,
голубой,
малиновый и белый
пробился новый мир
сквозь эту кутерьму.
...Когда вдали рассвет
готовый вспыхнуть
брезжит,
я вижу,
как, вися над синей пустотой,
тропа крутая
в горы путь свой держит
(дай бог ей счастья,

той тропе крутой!)...

Пьют реки крупный дождь,
сливаются,
грохочут.

Великий этот гром
плывет со всех сторон.

И горы смотрят вдаль,
их молчаливый почерк
в том грохоте и плеске растворен.

Сливаются лучи земли
и ветер — с ветром,
и нет границ у суши и воды,
течет река
потокom вечным, светлым,
и мать-земля
выносит нам
плоды.

ЭВКАЛИПТ

рожат на листьях капельки дождя.
Как вовремя изволил дождь пролиться!
Взъерошенное дерево,
 как птица,
стремится в небо,
 крылья очертя.

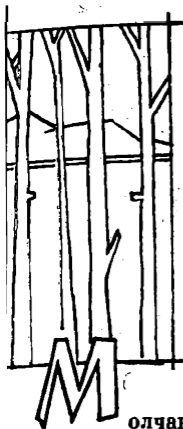
А дождь идет — задумчивый, живой.
С листа на лист легко стекают струйки.
И дерево протягивает руки
и медленно качает головой.

И по стволу,
 с зари и дотемна,
торопится живительная влага.

Ствол оголен, он светел, как бумага...
И дождь на ней выводит письма.

Он проникает в глубину ствола,
в каналы веток,
в сердцевину почек,
как виноградный сок —
во чрево бочек,
пока земля его не приняла.

Она готова всё прибрать к рукам.
Все трепеты земля в себя вмещает,
как будто впрок,
и снова возвращает
деревьям, листьям, людям, родникам.

**ТИШИНА,
ЛЕСОРУБ
И МИНУТА ЖИЗНИ...**

Молчанье мира. Покой. Тишина.
Прислушиваюсь:
струится она
по веткам, по листьям,
по древним стволам,
в ней дух тополиный
с сосной пополам.
Молчание леса. Молчанье горы.
И синего неба,
и лисьей норы...
...Но вот, словно вздох
отлетел от ствола,

такой непонятный и грустный сначала!
(Какая-то птица в ветвях закричала,
собака испуганный лай подняла...)
И снова взмахнул лесоруб топором,
и дерево выгнуло спину...
Потом —
секунда...
и щепок горячий поток...
Секунда...
и лезвие в ствол тополиный,
и скрип,
словно гибельный вскрик соколиный,
и — шорох,
как будто последний глоток.

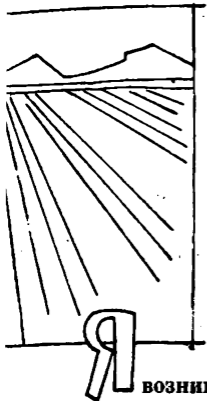
ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА

Едва не исчезло
лозы виноградской название:
рубили ее и сжигали,
рубили и жгли...
Султаны и шахи вели свои орды,
позванивали
мечи и кольчуги,
и брызгала кровь из земли.

Стократ ее корни
из этой земли выкорчевывали,
и крепости были в огне и в дыму,
но опять
сквозь смерть и развалины
над пепелищами черными

**упрямо и буйно
лоза начала прорастать.**

**Стал меч ее снова беречь,
чтоб войной и пожарами
ее не задело,
и, бед разорвавши кольцо,
она потянулась,
и снова
в дома к нам пожаловала,
и снова
вином и весельем
дохнула в лицо.**

ВЕТЕР

Я возникаю здесь и там
внезапно, ненароком.

А ты не бойся,

человек,

идуший по дорогам.

А ты не бойся,

человек,

за ставнями сидящий,

**когда услышишь топот мой
и голос мой**

гудящий.

**Я камни с гор швыряю вниз,
от радости хмелея.**

**А ты не бойся, человек,
и ты держись смелее.**

Ты дом построй,
окно раскрой,
пройди
дорожкой сада.
Пусть будет солнце

и тепло
и вовремя — прохлада.

Я принесу с собой грозу —
тяжки ее раскаты.

А ты не бойся,
человек,

и рук
не опускай ты.

Неси упрямо и светло
свою святую ношу.

И ты не жди,
что я тебе

ковры под ноги брошу.

Смотри, будь зорек,
человек,

чтоб, затаившись вором,
не смог гнезда

в твоём гнезде
устроить
черный ворон.

**Ты снисхожденья не проси
у бога**

и природы.

**Ты землю потом ороси,
чтоб гуще были всходы.**

Пускай цветут всегда

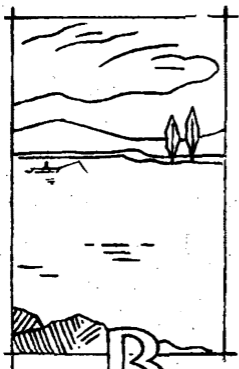
вокруг,

**к чему б ни приглядеться,
плоды**

твоих счастливых рук

и мук твоих,

и сердца!

**ВОТ СИДИТ
РЫБАК...**

Вот сидит рыбак.

Он сидит,
ждет,
ждет.

Ожидание — простое дело.

Шуршит волна,
набегает,
бьет,

в берег бьет,
в поплавок
белый.

Ожидание... Ну что тут уметь?
Пока не легли
вечерние тени,

надежда раскинулась,
густа, как сеть,
и в сердце рыбацьем —
ее сплетенье.

И сидит рыбак.
Он сидит,
ждет.
Волны искажают
лик
лунный,
они позванивают
как вечные струны...
И сидит рыбак,
свою спину
гнет.
Ждет...

Ожидание — дело простое.
Море спокойное.
И тишина.
И сидит рыбак.
Ну что ему стоит
ждать
и надеяться
с зари дотемна?

Он сидит, как царь
на своем троне,
удочка —
державой в его руке.
Голову он клонит, но сидит,
клонит,
но сидит,
и пот
бежит
по щеке.

**КОГДА
НАСТУПАЕТ
АПРЕЛЬ**

**как было,
так есть
и так будет,
ведь жизнь-то одна у тебя.
Живешь среди празднеств и буден,
весеннюю землю
любя.**

**И в этой весенней природе —
так было,
так будет,
так есть —
в тебя ожидание входит
и в сердце тантся.
Вот здесь.**

Ты музыку слышишь капли,
с апрелем тебе
по пути...

Но лучший из лучших апрелей,
он все-таки там,
впереди.

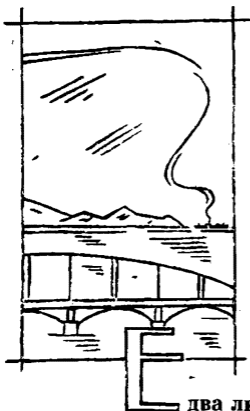
И новые зимы отмучат,
и новый апрель настает,
но все-таки
лучший из лучших
апрель
впереди тебя ждет.

Он там,
за горою зеленой,
он там,
над морской синевой
рокошет волною
соленой
и вертит, смеясь,
головой.

И ты к нему тянешься слиться,
и вот она, кажется,
цель!..

**Да, новый апрель
уже снится,
когда наступает апрель.**

М. Мирнели

**ВОТ ВСЕ,
ЧТО Я УМЕЮ**

Два лишь солнце из-за горы
выйдет навстречу мгле,
и поля, смоченного дождем,
еще не коснулся
зной,
уже я вышагиваю,
иду
по теплой сырой земле,
и чистые зерна с руки моей
сыплются
в шар земной.

К ветвям притрагиваюсь в саду,
осматриваю стволы,
плечики виноградной лозы

поглаживаю

любя.

Тихо раскачиваются плоды,

задумчивы и круглы,

готовые

в самый лучший из дней

людям отдать себя.

А я продолжаю идти.

Заря.

Утренний аромат.

И наполняется соком земли

звонкая чаша моя.

Солнце выкатывается,

растет

и затопляет сад,

и я загораюсь в его лучах,

как горы

и как моря.

И я —

то ливень, а то тепло,

то зелень,

то синева,

и словно орлиные крылья

вдруг

уносят меня в полет.
И поднимаюсь я над хребтом
силою колдовства,
что родилось на моей земле
и никогда
не умрет.

Тонкий саженец,
над тобой
я горячо склонюсь,
ливня,
воздуха и тепла
дам тебе через край...
Только не засыхай,
ветвись!..
Только расти,
не трись!..
Влагу, солнце и синеву
пригоршнями вбирай.

Еще только пройдено полпути.
Все шире
земли кольцо.
И виноградников молодых
зеленые облака,
они обступают меня,

зовут,
заглядывают в лицо
и отбегают к синим хребтам,
и манят
издалека.

А я продолжаю идти,
и мне
дорого все вокруг.
Кому-то отец я,
кому-то сын,
брат
или побратим...
Возьмите руки мои себе —
нет горячее рук,
сердце мое возьмите себе —
будет вам жарче
с ним.

О, как люблю я жизнь и апрель,
и первых почек
смех,
все вершины
и все поля,
и всякое
зверье!

Молодость бушует во мне,
словно цветенья снег...

Молодость —
первая почка весны...

Как мне жить
без нее?

О, как люблю я жизнь и апрель,
солнца жаркую медь!

Каждая новая весна
снова меня зовет...

Но если песня моя умрет —
лучше мне умереть!

Что я — без песни и без любви,
и без земных забот?

Но если понадобится тебе, родина,
я сгорю,

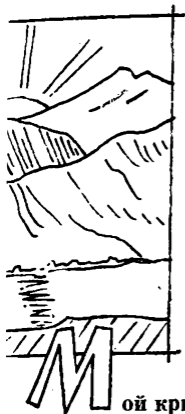
я голову положу в бою,
но не останусь

в долгу,
если понадобится тебе...

Как матери говорю...

И это все, что умею я,
все,

что сделать
могу.

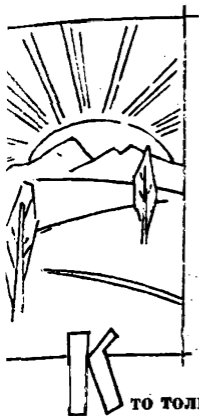
* * *

Мой критик острый палец поднял
и нервно затряс своей головой.
— Ты надоел мне,—
так он сказал,—
«солнцем»,
«землей»,
«водой»,
«травой»!..

А что же мне делать,
как быть,
когда
меня окружают
на каждом шагу
солнце,

земля,
трава,
вода
и жить без этого
не могу?

Слова распадутся —
их не собрать,
поэзия
похолодеет, мертва,
если не будут в ней проживать
солнце,
земля,
вода,
трава.

ДОРОГИ ГРУЗИИ

К

то только не ходит
по этим дорогам,
дорогам.
Наверное,
от сотворения ходят по ним,
теряются где-то в минувшем,
в забытом,
далеком,
рассеиваются в истории,
будто бы дым.

И только немногие,
словно костры
у обочин —
и к небу возносятся
громкие их имена.

Да, только немногие,
слитые с воздухом отчим,
живут среди нас,
остаются на все времена.

Я странствую.

Я провожу свои годы в дороге,
к росе прижимаюсь и солнце с собою зову...
Легко и упруго касайтесь земли,
мои ноги!
Вам нет передышки,
пока я дышу и живу.

Иду по дорогам сквозь грохот хребтов
и молчанье,
лицо охладить —
к роднику голубому склонюсь,
товарища и побратима в пути повстречаю
и хлебом,
и солью,
и радостью с ним
поделюсь.

Иду по земле,
и покуда заря не погасла,
мне нужно успеть приглядеться,

узнать и найти
осколок от солнца —
единственное

богатство...

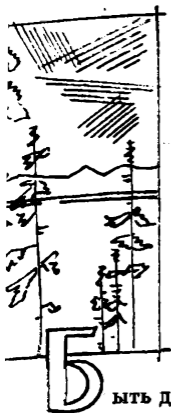
Идущие люди всегда его носят
в груди.

Иду по дорогам, киваю гудящим машинам.
Пока еще рано,
пока не исчезла роса,
все тянет меня,
и влечет меня что-то
к вершинам,
и пристально смотрят вершины мне
прямо в глаза.

Пока еще рано,
я должен подъем тот осилить.
И я восхожу,
и уже забываю о нем,
но там,
у него за спиной,
неприступный и синий,
и более грозный,
другой громоздится подъем.

Пока еще рано,
пока еще вечер не крикнул
последний приказ
и гудит наступление дня,
пока я живу,
я, наверно, идти не отвыкну,
и зависть к вершинам
в пути не покинет меня.

Вот так я иду.
И меня не пугает безвестье.
Мне только б добраться
до тех неприступных высот.
И пусть это будет
моею единственной
песней...
А ветер потом ее сам
по земле
пронесет.

БЫТЬ ДОЖДЮ

Быть дождю.

Дожди в Абхазии — не редкость.

Быть дождю.

Я его приход стремительный
предчувствую.

Я жду

хохота его и звона,

грохота,

лукавых слов

и травы,

что в сеть сплетается с надеждой
на улов.

К мельнице иду, мне слышатся
предчувствия слова,

вижу,

как бока тяжелые вздымают жернова.

желоба тоскуют, травы
никнут-никнут: бьет их дрожь...
Дождь, чего молчишь? Чего ты
медлишь?

И чего ты ждешь?

Развалились возле мельницы
- усталые мешки:

ждут помола, задыхаются...

Обрушья, дождь... Ожги!

Этот парень так настроен
мрачно:

жар в его груди,

ревность лоб воспламенила...

Дождь, обрушья... Охлади!

К этой девушке надменной
подбирайся, дождь, скорей:
губы станут мягче,

пальцы

станут чутче и добрей.

Дождь:...

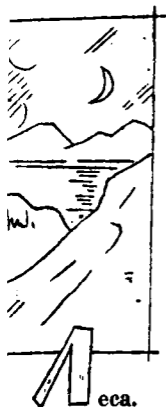
Приход его стремительный
ощущаю.

Быть дождю.

Быть дождю — он нужен. Быть ему.

Он необходим.

Я жду.

ГОРА

еса.

Туман.

Кизила ветви.

Листва в вечернем серебре.

Шуршание ореха

в ветре...

О чем еще мечтать горе?

Собачий лай, как гром в ущелье,

Малиновые облака.

И свист, и стон, и дробь свирели,

сработанной

из тростника

И набегающие в душу,

неуловимые сперва,

гортанной песенки пастушьей
неторопливые слова.

И журавлиных караванов
косая над землею
тьень.

И снова —
утро из тумана.
И снова — ночь.
И снова — день.

И снова — ночь,
где так подробны
отары звезд, пути комет.
И каменным орлам подобны —
дома
(балконы — на рассвет).

И запах молока и дыма.
И перемешанные с ним
то ночь,
что так необходима,
то день,
что так необходим.

МОСКОВСКИЙ * СНЕГ

Снег кружится.
Медленно кружится.
Снег московский, крупный, ночной.
Будто
небо медленно рушится
белым пологом
надо мной.

Мягкий снег летит — не оглянется
и ложится
мазок — к мазку...
Малый след мой по снегу
тянется
в зиму русскую,
сквозь Москву.

Не из гордости, не из шалости
лестно быть мне с зимой вдвоем.

О зима,
сохрани, пожалуйста,
след мой малый
в снегу
твоем!

Снег кружится.
Москве он по сердцу.

Снег кружится...

А там, вдали,
первый голос
весны разносится
по дорогам
зимней
земли.

Снег кружится.

Еще он кружится...

Но, подняв лучи,
как мечи,
скоро солнцем весна
обрушится...

Побегут по земле
ручьи.

Я ни жалости, ни спасения
не вымаливаю
ничуть...
Пусть вскипает вода весенняя,
пробивает зелени путь.

Но следов моих пленку хрусткую
пусть несет в потоке большом!..
Вот о чем прошу ,
землю русскую --
не прошу ее
о другом.

**ПОЭТ
И УЛИЦА**

В

от улица рассветная.
Поток прохожих.
Улыбки,
смех
и тихий разговор,
и грустное молчанье.
Дрожат лучи на листьях,
колеблются,
качаются,
плывут...
Автобус свежевывмытый.
Витрина
и суетливый продавец мелькает...
А маленький
и незаметный,

не очень модный гражданин
какой-то
идет в потоке общем
и видит все,
и все запоминает....
И вот готова первая строка...
А утро разгорается.
Деревьев шум
мешается с людским.
Крепчает ветер
и клочки афиш
уносит.
И пахнет пылью.
И девушка какая-то идет,
улыбки не гася.
И для старухи целое событие —
благополучно
перейти дорогу...
А тот же самый
гражданин невзрачный,
прищурившись,
стоит на перекрестке
и дышит спелым воздухом утра...
И вот еще одна строка готова.
А улица кипит.
Поток прохожих гуще.

**Улыбки,
смех
и тихий разговор,
и судьбы разные,
и разные глаза...
А маленький
невзрачный гражданин
как будто собирает это.
И песенка
звучит в его сознание
об этом обо всем...
О них...
...А жаль,
что не сумеют
они ее услышать
вот сейчас!**

РОЖДАЕТСЯ УТРО

еса утренний прибой,
речки,
в пропасть канувшие,
тополя по берегам,
в небо
руки тянущие.
Виноградных
гроздей
груз,
трав нагромождение.
Запах меда,
запах груш,
запах пробуждения.
Облаков беззвучный строй,
к горизонту

рушащийся,
ключ,
возникший под горой,
сам к себе
прислушивающийся.
От садов —
живая тень,
всех цветов
цветение...
Начинают новый день
звери и растения.
Отрывает человек
от подушек
голову...
Стадо
медленно бредет
вдоль по склону голому
к травам,
к небу
и к цветам,
прямо над ущельями:
там — туман,
и сырость — там
рты свои
ощерили...
Это все мое вокруг,

**это мне поручено,
и заря
не зря
из рук
первых мной получена.**

!

ДОРОГА В МОСКВУ

а белый снег ложится синий вечер.
Стучат колеса поезда
во мгле.
Стихи мои торопятся навстречу
огням Москвы,
бегущим по земле.

За окнами
кружится снег.
За снегом,
не видимая мной издалека,
спит Грузия,
улегшись под Казбеком...
Под головой — прохладная рука.

Спит старое село мое.
Спит аист
на крыше дома,
на одной ноге...
Задумчиво
переливаясь,
спят искры в непогасшем очаге.

А русский ветер —
за окном вагонным...
Он валенком о валенок все бьет,
и кланяется мне
земным поклоном,
и погостить
в края свои зовет.

Спит Грузия.
Россия спит.
Спокоен
их мирный сон...
Ложатся в цепь слова.
Дорожную горячую строкою
я рад тебя приветствовать,
Москва!

**Твое гостеприимство, и радушье,
и рук тепло,
и глаз
неугасимый свет,
который наполняет наши души
и наши песни
до скончанья лет.**

**...Пишу стихи.
Снег белый.
Ветер синий.
Огни Москвы — как дальние костры...
Там — Грузия,
а здесь уже — Россия,
две родины,
две давние сестры.**

СОДЕРЖАНИЕ

Туманное утро	3
Мой саженец	5
Старик сказитель	8
Дует ветер	11
Великая река	14
«Сольется луч с лучом»	16
Эвкалипт	19
Тишина, лесоруб и минута жизни...	21
Виноградная лоза	23
Ветер	25
Вот сидит рыбак...	28
Когда наступает апрель	31
Вот все, что я умею	34
«Мой критик острый палец поднял...»	39
Дороги Грузии	41
Быть дождю	45
Гора	47
	61

Московский снег	49
Поэт и улица	52
Рождается утро	55
Дорога в Москву	58

Мирнели (Циколиа)
Мириан Михайлович.

ГОРНАЯ ТРОПА

М., «Советский писатель»

1965, 64 стр.

Тем. план вып. 1966 г. № 337

Редактор *Е. С. Елисеев*

Художник *М. И. Эльдифен*

Худож. редактор *Д. С. Мухин*

Техн. редактор *А. И. Мордовина*

Корректор *Л. А. Матасова*

Сдано в набор 5/VIII 1965 г.

Подписано к печати 23/XI 1965 г.

А 13141. Бумага 60×90¹/₃₂.

Печ. л. 2. Уч.-изд. л. 1,7

Тираж 5000 экз. Заказ № 331

Цена 13 коп.

Издательство «Советский писатель»

Москва К-9, Б. Гнездяниковский пер., 10.

Тульская типография Главполиграфпрома

Государственного Комитета

Совета Министров СССР по печати

г. Тула, пр. им. В. И. Ленина, 109.